

Ф.А. Петров

**Новые материалы
по истории русско-французских отношений
рубежа XVIII–XIX веков
из собрания Отдела письменных источников
Государственного Исторического музея**

Не считая себя специалистом в области внешней политики, я по долгу своей службы неоднократно обращался к эпохе истории наполеоновских войн. Вместе с коллегами¹ мне довелось принять участие в двух значительных по объёму публикациях материалов из собрания нашего отдела². В настоящее время готовится в свет ещё одна публикация, как бы завершающая нашу трилогию, – «Москва в 1812 году». Помимо этого в процессе научного описания фондов ОПИ ГИМ были выявлены уникальные автографы Наполеона Бонапарта, членов его семьи и его сподвижников (всего свыше двух с половиной тысяч).³ Наиболее яркие экспонаты из числа наполеоновских автографов были представлены на организованных Историческим музеем выставках.⁴

В декабре 2001 г. я был приглашён на Международный Коллоквиум к 200-летию Аустерлица (первый из серии «1805 год: год Аустерлица»), организованный Музеем Армии (Домом Инвалидов) в Париже. Тема доклада была предложена организаторами коллоквиума «Павел I и Наполеон Бонапарт: был ли возможен союз?». Таким образом появилась возможность выступить перед французской общественностью с информацией о многообразных коллекциях нашего музея, которые до последнего времени оставались недостаточно известными, в отличие от других архивов РФ.

Мы имеем в виду, прежде всего, переписку выдающегося русского дипломата, князя Александра Борисовича Куракина (1752–1818).

Коллекция князя Куракина – богатый источник по истории русской дипломатии рубежа XVIII–XIX вв. Князь Куракин занимал высший пост в российской иерархии (действительный тайный советник 1-го класса) и был одним из наиболее доверенных лиц Павла Петровича, когда тот был ещё наследником престола. После восшествия на престол Павла I в ноябре 1796 г. Куракин был назначен вице-канцлером, а два года спустя, когда Павел провозгласил себя гроссмейстером Мальтийского ордена, был пожалован балли этого ордена. В первые годы царствования императора Александра I, вплоть до образования в сентябре 1802 г. министерств, Куракин возглавлял Коллегию иностранных дел.

Сенатор, награждённый всеми российскими орденами (в т.ч. Андрея Первозванного), член Государственного Совета, он был известен как сторонник сближения России с Францией. Именно поэтому он стал уполномоченным императора Александра при заключении Тильзитского мира.⁵ Жемчужиной куракинского архива является верительная грамота, подписанная Наполеоном 1 июля 1807 г. и выданная им Талейрану на ведение переговоров в Тильзите. Эта верительная грамота была вручена Талейраном Куракину и сохранилась в архиве последнего: посетители нашего музея могли её видеть на упомянутых выше выставках. Не случайно было и то, что год спустя именно Куракин был назначен послом России в Париже и оставался в этой должности вплоть до рокового 1812 года. Сохранилось немало рескриптов Александра I Куракину. В том числе рескрипт (1810) с поручением присутствовать на свадьбе Наполеона с Марией Луизой, письма ему от великих французских государственных деятелей, в частности, А. де Коленкура, Ш.М. Талейрана⁶, черновики писем Куракина Наполеону и многое другое⁷.

Но вернёмся к концу XVIII столетия. Хорошо известно, что, предприняв в 1782 г. путешествие по Западной Европе под именем князя Северного, наследник престола Павел Петрович вместе с женой Марисей Фёдоровной посетил Париж, где буквально очаровал и двор Людовика XVI, и парижское общество. Современные французские историки Тюляр, Гийяр и Фьеरро полагают, что, «оставаясь противником

Французской революции во всех ее формах», Павел не мог не восхищаться успехами Наполеона Бонапарта, считая его своеобразным «терминатором» (термин французских коллег) революции.⁸ Установление Консульства в ноябре 1799 г. означало окончание анархии и установление определённой легитимности, и с Первым Консулом можно было «иметь дело». И короткий период (вплоть до убийства Павла в ночь с 11 на 12 марта 1801 г.) был временем максимального сближения Наполеона Бонапарта с царём-романтиком, не дипломатом – в отличие от матери и сына, но своеобразным средневековым рыцарем на престоле. Их союз не мог быть постоянным, но, возможно, временным – как и все союзы этой переходной эпохи. Собственно говоря, ещё при восшествии Павла на престол, предпринимались попытки вести переговоры графом (впоследствии светлейшим князем) А.А. Безбородко с Директорией о восстановлении старинных дружеских отношений и торговых связей. В архиве Куракина сохранилась копия депеши Безбородко посланнику в Берлине С.А. Колычеву о начале переговоров с Францией, для обеспечения с ней «доброго согласия», а в конечном итоге и «прочного мира в Европе»⁹. Надо сказать, что влиятельная группа царских сановников¹⁰ стояла за то, чтобы Россия не вмешивалась в войну антинаполеоновской коалиции (это могло привести лишь к расстройству внутреннего управления и финансов). Под влиянием Безбородко в 1797 г. Павел начал секретные переговоры с Директорией о восстановлении с ней дипломатических и торговых отношений. Однако вскоре переговоры были прерваны. Основной причиной стали действия Франции в Восточном Средиземноморье, которому угрожало превращение во «французское море». Первым шагом стало овладение Ионическими островами, а затем знаменитая Египетская экспедиция, когда по пути французы захватили остров Мальту, что вызвало гнев Павла. Следующим шагом мог стать захват Константинополя, черноморских проливов и Балканского полуострова, что закрывало России туда путь и непосредственно создавало угрозу Северному Причерноморью. Одержимый идеей «возвести на законные престолы низверженных революцией венценосцев» и ликвидировать «богомерзкое правление» во

Франции, Павел вступил в коалицию вместе с Австрией, Англией, Турцией и Неаполитанским королевством против Франции. Довольно быстро договорилась Россия о совместных действиях с Австрией. Первоначально счастье, как известно, благоприятствовало Бонапарту, который уже в мае 1798 г. вступил на территорию Венецианской республики, а в июне – на территорию Генуэзской.¹¹

О положении дел в Италии Куракин имел сведения от одного из своих постоянных корреспондентов, русского консула в Сардинии Стефана Санковского. Письма охватывают период с декабря 1798 по апрель 1800 г. В них, в частности, говорилось об оккупации Пьемонта французскими войсками, об аресте короля Сардинии и приближении французов к Риму. 24 декабря 1798 г. речь шла о создании Лигурской республики по французскому образцу и провозглашении независимости Римской республики. Санковский полагал, что если австрийский император не покончит с французами в Италии, то следующей жертвой станет Тосקנה, и «свобода Италии целиком зависит от войны или мира с австрийским домом»¹². В январе 1800 г. Санковский писал из Пизы, что «французы боятся помериться силами с русскими». В то же время «Директория намерена объявить императору, что если русские войска сделают хотя бы шаг на её территорию, она расценит этот шаг как намерение Петербурга объявить войну».

А в письме от 28 января (8 февраля) 1799 г. содержалась копия речи французского генерала Серюрье к солдатам по случаю 6-й годовщины казни Людовика XVI. Приведём фрагмент этого небезинтересного и доныне документа: «мы разбили всех наших врагов, остаётся низвергнуть последнего: это Россия. Поддерживаемая лишь суворой дисциплиной, верой в предрассудок о том, что тот, кто падёт на поле боя, сразу же попадёт на небеса, она могла нанести поражение лишь турецким рабам и... надеется покончить с нами столь же легко. Но мы – французы, мы – свободные люди, и одерживали до сих пор лишь победу за победой, мы упорнее всех других, и готовы победить или умереть»¹³.

Опасаясь усиления России, Англия и Австрия решили удалить русские войска из Италии. Суворову было предписано идти на

соединение с корпусом другого русского генерала, Римского-Корсакова, в Швейцарию. Санковский 29 октября 1799 г. отмечал: «в Италии не осталось ни одного русского солдата, за исключением grenadierов под командованием князя Волконского. Великий гений – фельдмаршал Суворов – больше не командует армией в Италии». 27 января 1800 г. Санковский писал из Пизы, что, благодаря поражениям французов и победам русских, есть возможность «воспрепятствовать французской армии удержаться в Лигурии» 4 сентября Санковский сообщал о вступлении французских войск в Тоскану и о своём намерении защищать «достоинство России безо всякой осторожности» против, как он писал, «генералов-карманьольцев».¹⁴

В то же время письма Санковского после переворота 18 брюмера свидетельствуют о резких переменах в умонастроениях французов. Так, 23 ноября 1799 г. речь шла о намерении Наполеона предложить прусскому королю стать посредником между воюющими державами, и что он рассчитывает к роли «героя, спасителя республики присовокупить титул миротворца». Месяц спустя Санковский писал, что всё сейчас в стране «находится под пятой Бонапарта, который уже не склонен считаться с революцией». Согласно письму от 20 января 1800 г., Первый консул не заключит мира, пока не утвердит Цизальпинскую республику в таком положении, чтобы она постоянно угрожала бы австрийской империи. 3 (14) февраля Санковский написал: «Австрийцы боялись увидеть на своей стороне храбрых, как львы, русских, и французы также боялись услышать "Ура!"».

Весной 1800 г. говорилось о бедствиях генуэзцев и «мерзких насилиях» австрийских войск над несчастными генуэзскими крестьянами, которые только что несли бремя военных расходов французских войск. Поэтому «крестьяне, ненавидящие французов, в то же время не оказывают почти никакой помощи австрийцам», и стремятся к восстановлению законных порядков в родном Отечестве. Подчёркивалось, что, «прежде, чем начать кампанию, Франция ещё попытается вести переговоры с императором и Королем, но если война всё же начнётся, то Бонапарт лично возглавит Рейнскую армию,

возможно, с диктаторскими полномочиями. Своими триумфальными победами он вынудит венский двор попросить мира, и Французская держава будет сплочена... Невозможно повернуть вспять этот поток». Прозорливо писал Санковский и о том, что сами по себе роялисты, не пользующиеся особой популярностью в стране, не в состоянии восстановить старый порядок во Франции, и «лишь успехи русских войск и бескорыстие нашего монарха позволяет сохранять каплю надежды на то, что этот порядок будет когда-либо восстановлен». Впрочем, уже тогда называлась кандидатура «короля-филантропа» Луи-Филиппа, но тому оставалось подождать почти полвека.¹⁵

Мечта Павла Петровича быть «восстановителем потрясённых тронов и осквернённых церквей» уже охладела, а терпение его истощилось: он понял, что был лишь орудием в руках Австрии и Англии, преследовавших собственные интересы.

Так, Австрия не желала возвращения короля Сардинии на престол и интриговала против русских войск, пришедших ей на помощь. Уже после своего восшествия на престол Александр Павлович писал Наполеону: «политика Венского двора в отношении России, в частности, препятствия, чинимые войскам генералиссимуса Суворова, переполнили чащу терпения Моего Августейшего Отца... и он решительно прервал всякие сношения с Венским кабинетом, отзав российское посольство», не желая «ожертвовать своими войсками для корыстолюбия и бесстыдства видов двора венского»¹⁶.

Сношения с Англией также были испорчены после захвата последней (сентябрь 1800 г.) Мальты. Не случайно Наполеон писал, что «Мальта это тот предмет, относительно которого Англия и Россия никогда не придут к согласию». Как хорошо известно, неодобрительно высказывался Павел и о персоне английского посланника в России Уитворт, которому было суждено сыграть свою роль в злодеянии марта 1801 года.

Анализируя изменения во внешней политике России, выдающийся советский историк А.З. Манфред отмечал: «Мысль о союзе Франции на рубеже двух веков, что называется, носилась в воздухе.

Исторически назревшая, порожденная реально существовавшими предпосылками, она приходила одновременно в голову многим...». Первый консул «торопился использовать противоречия между Россией и ее союзниками, чтобы втянуть Россию в войну против главного врага – Великобритании, отношения которой с Францией безнадежно были испорчены. Поэтому-то инициатива исходила от Наполеона.... Распри в стане союзников оказались сильнее общности интересов... Становилось очевидным, что война между двумя государствами, расположенными одно на востоке, другое на западе Европы, играла на руку... кому угодно, но не России и Франции». Последние «попытались осознать свое положение в мире, основываясь... на осознании реального факта, что между обеими странами нет непосредственных территориальных споров, нет экономических противоречий, зато есть общие враги... Практически это означало, что русское правительство было готово идти на переговоры с Францией, и следующим шагом должно было стать заключение союза между двумя странами»¹⁷.

Уже 28 января 1800 г. Павел отметил, что «ничего лучшего не желал», как сближения с Францией. По мнению главного биографа Павла I, Первый консул, «искусно пользуясь изменившимся положением Европы, задумал искать сближения с Россией, чтобы в лице императора Павла приобрести могущественного союзника против своего главного и непримиримого врага – Англии; намерение Бонапарта совпало как нельзя лучше с теми враждебными против лондонского кабинета чувствами, которые волновали в ту пору Павла I и потому встретили с его стороны полное сочувствие»¹⁸. Бонапарт стремился к примирению с Россией.

Именно Наполеон начал прощупывать почву, едва лишь получил полномочия Первого консула. Он поставил в качестве важнейшей внешнеполитической задачи сближение с Россией: «Мы не требуем от прусского короля ни армии, ни союза; мы просим его оказать лишь одну услугу – примирить нас с Россией...» (январь 1800 г.).¹⁹

Уже 15 прериля VIII года Наполеон Бонапарт писал Талейрану: «Необходимо дать понять Павлу знаки того, что мы намерены вести с ним переговоры». 15 мессидора того же года (4 июля 1800 г.) Наполеон заявил

о намерении «предъявить императору России доказательство личного доверия, отличия его от других врагов Республики». Через две недели Наполеон поручил Талейрану написать графу Н.П. Панину о возвращении России «без обмена и со всеми воинскими почестями, с оружием и знамёнами» шести тысяч русских военнопленных, находящихся во Франции. Первый консул «предпочёл бы предпринять меры, чтобы остров Мальта не пал и не достался в руки Англии», и потому заранее соглашался на возвращение этого острова России.²⁰

Павел не торопился с ответом, выждав четыре месяца. Только граф Ф.В. Ростопчин, ставший главой Коллегии иностранных дел, предложил царю заключить союз с Францией. Союз должен был успокоить Бонапарта, иметь антианглийскую направленность и поделить владения Порты Оттоманской между Россией и Францией.²¹

Это был первый шаг к восстановлению отношений, прерванных после Французской революции. Из Петербурга в Париж был отправлен генерал Спренгортен, известный своими профранцузскими симпатиями. Формально целью его миссии было урегулирование вопросов, связанных с возвращением русских военнопленных. Фактически ему было доверено более важное задание. А именно: объявить, что император всероссийский, «не колеблясь ни минуты, отозвал свои войска из коалиции, как только заметил, что эти державы стремятся к захватам... и так как взаимно оба государства – Франция и Россия, – находясь далеко друг от друга, не могут быть вынуждены вредить друг другу, то они могут, соединившись и постоянно поддерживая дружеские отношения, воспрепятствовать, чтобы другие, своими стремлениями к захватам и войнам, не поколебали бы их намерений»²².

Барон Спренгортен прибыл в Берлин, где начал переговоры с опытным французским дипломатом, генералом, маркизом Бернонвилем. Последний был назначен чрезвычайным посланником Франции в Пруссии, со специальной миссией – вести переговоры с Россией о достижении мира. Известны слова Бернонвиля Спренгортену: «две великие державы, Франция и Россия, представляют собой как бы две оконечности земного шара и созданы, чтобы господствовать над ним».

Как видим, в ход былпущен характерный приём наполеоновской дипломатии: внушить представителям самой могущественной державы, что, по сути, существуют лишь две силы, которые и должны поделить весь остальной мир между собой. Расчёт в таких случаях делался на наивных, доверчивых правителей, к которым, бесспорно, относился Павел I. В фондах ОПИ ГИМ сохранилось собственноручное письмо Бернонвиля от 28 брюмера IX года республики, в котором он сообщал Спренгортену о выдаче требуемых им паспортов.²³ Таким образом, уточняется дата восстановления дипломатических отношений между Россией и Францией.

В Брюсселе Спренгортен имел встречу с другим доверенным лицом Наполеона, генералом Кларком (будущим военным министром). Именно тогда зародилась идея создания Северной лиги (Пруссия, Швеция, Дания и Россия), которая должна была обеспечить нейтралитет северных держав и свободу мореплавания в случае вероятного вооружённого столкновения Франции и Англии.²⁴

Во время предварительных переговоров французские посланники предпочитали не обсуждать «пять условий» Павла. Было решено лишь восстановить отношения между двумя державами в том виде, какими они были до Революции 1789–1793 годов. Собственно говоря, это и было реализовано в конвенции, заключённой между Россией и Францией год спустя, уже при новом императоре – Александре I. Но, когда 21 декабря 1800 г. Спренгортен прибыл в Париж, Наполеон подчеркнул, что связывает установление союза с признанием границ Французской республики по левому берегу Рейна.²⁵ 28 ноября Кларк сообщал Наполеону о свидании с бароном Спренгортеном, в ходе которого он пришёл к убеждению, что «Русский император желает мира...». При этом Кларк писал: «Г-н Спренгортен проговорился, что русский император не особенно заботится о курфюрсте Баварском, но иначе относится к герцогу Вюртембергскому, брат которого находится в Петербурге»²⁶. Кларк ответил, что переговоры с герцогом Вюртембергским «будут вестись с такою снисходительностью, какую только может желать русский император»²⁷.

1 декабря 1800 г. Кларк писал Спренгортену из Брюсселя: «...по мне нет ничего легче, как достигнуть соглашения в деле мира между Францией и Россией... в том виде, как было до войны между обеими державами или даже в эпоху 1786–1787 годов». В тот же день он сообщал Талейрану: «...чрезвычайно важно, не теряя ни часа, сообщить императору Павлу требования Франции и те уступки, которые она готова сделать, чтобы достигнуть окончательного соглашения между ней и Россией». Наконец, сам Наполеон, принимая Спренгортена уже в Париже, объявил ему о желании Франции заключить мир с Россией, так как, по его мнению, оба государства «уже по одному географическому своему положению созданы для того, чтобы жить между собою в тесной связи...»²⁸.

Несмотря на многие спорные моменты, в частности, неуёмное стремление Первого консула к господству на Апеннинском полуострове и нежелание уйти из Египта, сближение императорской России с Французской консультской республикой быстро подвигалось вперёд: дело шло к союзу двух великих держав при существенных различиях в их общественно-политическом строе. Поэтому Бонапарт, даже не входя в детальное обсуждение поставленных Россией требований, поручил Талейрану ответить на них в целом согласием. Бонапарт в письме к Талейрану от 27 января 1801 г. рисовал совершенно фантастические планы совместных с Россией экспедиций против Ирландии, Бразилии, Индии, Суринама, не говоря уже о Средиземноморье и т. д.; мечтал о совместном господстве над всем миром, о высадке в Дарданеллах, Чёрном море, Египте. По мнению крупнейшего современного французского историка Ж. Тюлара, «шла речь о таком разделе Турецкой империи, при котором Константинополь отходил бы к России, а Египет – к Франции»²⁹. Так наливались личные, прямые отношения между Парижем и Петербургом.

Переговоры вышли на уровень личными посланиями глав правительств. 21 декабря 1800 г. Наполеон написал хорошо известное послание, заявив о своём непременном желании заключить «скорый и нерушимый союз двух могущественных держав в мире», созданных «по

своему географическому положению для того, чтобы быть в тесной дружбе», и перейти «от ужасов войны» к миру... «Через 24 часа после того, как Ваше императорское величество наделит какое-либо лицо, пользующееся Вашим доверием и знающее ваши желанья, особыми и неограниченными полномочиями, – на суше и на море воцарится спокойствие»³⁰.

Ответное письмо Павла Наполеону, написанное 18 (30) декабря 1800 г., было составлено не столь витиевато, но по существу было не менее важно. Нельзя не согласиться с А.З. Манфредом, говорившим о «смелости, одновременно проявленной с обеих сторон. Формально Франция и Россия находились в состоянии войны...». И русское правительство сумело резко повернуть курс, отказавшись от принципа легитимизма. «Сам факт обращения к Бонапарту как главе государства и форма обращения... означали признание де-факто и в значительной мере и де-юре власти того, кто еще вчера был заклеймен как "узурпатор"»³¹.

Собственно говоря, император Павел, при всём кажущемся сумасбродстве, которое ему приписывали и современники, и многие историки, и при безусловно искреннем и глубоком представлении о божественном характере монархической наследственной власти, сознавал, что принципы, установленные в различных государствах, имеют право на существование. Павел, прежде всего, предложил Бонапарту употребить всё необходимое, «чтобы положить конец злу, которое вот уже 11 лет раздирает Европу». При этом он добавил знаменитую, необычную для него фразу: «Я не говорю и не хочу спорить ни о правах человека, ни об основных началах, установленных в каждой стране. Постараемся возвратить миру спокойствие, в котором он так нуждается»³². В переводе на современный язык это означало принцип невмешательства во внутренние дела с различным общественно-политическим строем.³³

14 января 1801 г. Павел отправил второе послание Наполеону, достаточно сдержанное, в котором выражал желание наконец-то установить мир между двумя державами, подчёркивая, что он не собирается «вмешиваться для предписания границ в Италии или Германии, чтобы избежать последствий». Он сообщал, что отправляет

специального своего уполномоченного, С.А. Колычева, в Париж для подписания мирного договора.³⁴ А через 12 дней Павел направил Бонапарту ещё одно письмо, в котором, подчёркивая, что англичане угрожают не только России, но и другим державам, руководствуясь «только собственным эгоизмом», предложил Бонапарту «предпринять... что-либо на берегах Англии». Отметим, что ещё 8 (20) января 1801 г. в ноте Спренгортену Талейран писал, в частности: «В ту самую минуту, когда получено известие о насильственных мерах, принятых в Англии, первый консул... рассудил, что Россия подвергается теперь преследованию англичан лишь потому, что она энергично высказываетя против злоупотреблений этой державы на море, и он не желает, чтобы русские купцы терпели обиды и бесчинства англичан»³⁵.

23 октября граф Ростопчин, по повелению императора, объявил о наложении эмбарго на английские суда, находившиеся в русских портах в отместку за захват англичанами о-ва Мальты. 4 декабря между Россией и Швецией заключён был союз против Англии, которым отраждалась свобода морской торговли, а затем в этот союз вступили Пруссия и Дания. Против Англии составилась грозная коалиция морских держав. Неслучайно 21 января 1801 г. Наполеон писал своему брату Жозефу Бонапарту: «Россия имеет крайне враждебные действия против Англии, и мир с австрийским императором – ничто в сравнении с действиями, которые сокрушат Англию и сохранят нам Египет». Со своей стороны, Наполеон отдал приказ командирам французских кораблей оказывать помошь всем русским судам, пострадавшим от враждебных действий англичан, и также наложил эмбарго на английские корабли. При этом Первый консул информировал двор Павла, что «считает Республику находящейся в мире с нею, и что большое расстояние, отделяющее державы, не станет препятствием к подписанию мира между ними»³⁶.

В переписке Куракина имеется ценная информация о восстановлении франко-русских отношений, прерванных в 1793 году. Собственно говоря, ещё указом от 8 (20) февраля 1801 г. Павел повелел: «Вследствие мер, принятых со стороны Франции к безопасности и охранению российских кораблей... сношения с сею державою по

торговле разрешить, и прежде положенные на сие запрещения отменить». А неделю спустя, 15 февраля, «по случаю возобновления между Российской империей и Французскою державою коммерческих отношений указать соизволил император Павел I возобновить и переписку о торговле, а вследствие того разрешил принимать на почтах письма, во Францию идущие, и отоль получаемые только те, которые относятся единственно до торговли»³⁷.

Примечательно, что эти положения почти дословно вошли в статью 5-ю франко-русской конвенции, заключённой уже при Александре Павловиче (8 октября 1800 г.). Документ говорил о восстановлении торговых отношений между Россией и Францией на том уровне, на котором они находились до революции во Франции, «с теми изменениями, которые они претерпели по новейшим установлениям»³⁸.

Но ответ Павлу был послан Наполеоном лишь после заключения Люневильского мира с Австрией. Впоследствии Александр I писал, что «Люневильский мир дал новую форму устройства немецких земель». Действительно, роль Священной Римской империи была подорвана, что и привело вскоре к её полной ликвидации. Более того, австрийские войска были обязаны покинуть территории Цизальпинской республики. Вопреки принципам легитимизма, Павел объявил Бонапарту, что он признаёт Рейн в качестве границы и даже согласен на приобретение Францией ряда австрийских владений в Италии.³⁹

Но главным в письме Наполеона, написанном 27 февраля 1801 г., было предложение различных форм борьбы с Англией. Здесь можно видеть контуры будущей континентальной блокады. Первый консул сообщал о своём намерении отправить эскадру из Бреста; наложить эмбарго на английские суда; отправить другую эскадру в Северное море на помощь войскам генерала Спренгортена, занявшим Ганновер; а также объединить действия французской, русской и испанской эскадр и сухопутных войск России для защиты портов Сицилии. При этом Бонапарт пытался доказать, что «интересы держав Средиземного и Чёрного морей требуют, чтобы Египет оставался за Францией». Наполеон пленил воображение Павла химерическими проектами, в частности,

соединения французского, испанского и португальских правительств с Северной лигой для подрыва английской морской торговли.⁴⁰

Существует легенда, что император Павел согнул пополам карту Европы и сказал: «только так мы – т.е. он и Наполеон – можем быть друзьями». Возможно, это всего лишь исторический анекдот. Но реальностью едва не стал проект похода в Индию русских казаков. Желая «атаковать англичан там, где удар им может быть чувствительнее и где меньше ожидают», император 12 января 1801 г. отдал приказ об отправке донских казачьих полков в Индию с целью освобождения её от английского ига. Убийство Павла застало их в пути, в районе Оренбурга.⁴¹ Была ли это химерическая, абсурдная экспедиция? Во всяком случае, не менее химерическая, чем Египетская экспедиция Наполеона, тем более что Россия не была отделена морем от Индии.

Последней акцией так и не реализованного альянса было назначение русского посланника в Париже, опытного дипломата С.А. Колычева, который был уполномочен вести переговоры о заключении франко-русского союза (следует отметить, что французский посол в Петербурге, генерал Эдувиль, был назначен лишь в 1802 г.).⁴²

В рескрипте Колычеву от 8 (20) января 1801 г. император повелевал «объявить Первому консулу, что как только произойдет сближение между Францией и Россией, лига держав, враждебных Австрийскому дому и Англии, будет предписывать законы остальным...». Таким образом, в случае начала войны между Россией и Англией Франция обязывалась объявить последней войну, Но при этом Колычеву предписывалось объявить Первому консулу, что тот должен освободить страны, оккупированные его войсками (например, Неаполитанское королевство), восстановить папу Римского на престоле и полностью эвакуировать войска из Египта.⁴³

Колычев прибыл во Францию в феврале и первоначально был очарован Наполеоном. Но уже 9 марта он написал Ростопчину: «Здесь господствует чрезмерное честолюбие со времени ослабления Австрии и со времени нашего разрыва с Англией; к этому нужно прибавить желание продолжать войну где бы то ни было...». Развитием этой мысли было

письмо Колычева Куракину, с сожалением о том, что «намерения Франции сблизиться с Россией далеки от искренности...». Посланник писал: «я никогда не смогу согласиться с людьми, которые здесь правят, с ними нужно держаться твёрдо и никогда не следует забывать о том, что они хотят господствовать повсюду и нас использовать лишь как орудие, которое, по достижению назначеннной цели, они готовы отбросить. Их намерение – покорить Европу с нашей помощью, и они прекрасно знают, что без нашего содействия это невозможно»⁴⁴.

Бонапарт добивался сепаратного мира между Россией и Францией, Колычев считал своим долгом обеспечение всеобщего мира в Европе. Доказательством этого является его письмо, отправленное Павлу 13 (25) марта 1801 г., которое адресат не успел получить: «...главная цель французского правительства – отделить частный мирный договор с Россией от общих принципов всеобщего умиротворения всех европейских держав». Не случайно во французском проекте не говорилось об эвакуации из Египта и лишь туманно высказывалось стремление «по возможности соблюдать германскую конституцию». Колычев высказывал своё собственное мнение: «союз с Францией никому не полезен»⁴⁵.

Сохранились письма Колычева от 22 и 24 марта Куракину, с просьбой ходатайствовать перед графом Ростопчиным об отзыве из Парижа и переводе в Петербург. Просьба мотивировалась тем, что «дела во Франции и Пруссии, если сказать откровенно, не приводят ни к каким результатам», и «сношения между двумя державами, Францией и Россией, очень затруднительны для нас»⁴⁶. Можно согласиться с Ю.В. Борисовым в том, что Колычев «был человек холодный, чопорный и подозрительный», настроенный «откровенно антифранцузски», а это «создавало отнюдь не благоприятный климат для переговоров»⁴⁷. И не случайно Талейран писал Куракину, что, по мнению Первого консула, «форма переговоров, предложенная русским послом, была несовместима с дружескими намерениями, которые устанавливаются между императором России и Французской республикой»⁴⁸.

Но в то же время Колычев имел и собственное мнение, которое впоследствии разделялось Александром I: «в объятой пламенем войны

Европе не может быть никаких сепаратных переговоров, а лишь общий мир». С.М. Соловьёв справедливо заметил, что «для избалованного раболепством главы Французской республики был невыносим представитель какого-нибудь государства, который... не гнулся потому, что не признавал своего государства побежденным». Колычев понял, что Наполеон смотрел на мир только на перемирие, дававшее передышку... 22 марта (3 апреля) Колычев писал, что Наполеон отверг идею общего регулирования всех вопросов «совместно Россией, Пруссии и Францией... и протестовал сильно против французских распоряжений в Италии, настаивая на исполнении обещаний, данных императору Павлу...»⁴⁹.

13–15 марта 1801 г. начались формальные переговоры о заключении секретного договора между Россией и Францией, который должен был быть подписан в течение 50 дней. Проект договора слово в слово был повторен в тексте, подписанным полгода спустя, в октябре 1801 года. В частности, статья 1-я начиналась со слов: «...все враждебные действия прекращались... ни одна из сторон не должна была позволять врагам другой оказывать какую-либо военную, дипломатическую, экономическую помощь».

Однако помимо общей «декларации о намерениях» были и статьи «секретной конвенции», которые и вызвали дискуссии. Естественно, обе стороны обязывались не заключать сепаратный мир с Англией; было удовлетворено столь важное лично для Павла требование о возвращении ему Мальты; французы признавали независимость Ионической (Семи островов) республики; обе стороны обменивались военнопленными; морские и торговые связи между Россией и Францией восстанавливались на довоенном уровне, а военнопленные возвращались домой. В этом отношении, кстати, представляет интерес письмо Колычева из Парижа генералу Спренгортену о необходимости, «не теряя времени, связаться с каналами г. Бентина относительно доставки кредитного письма на 300 тыс. руб., необходимых на расходы по транспортировке наших войск»⁵⁰.

Но по поводу других статей на переговорах разгорелись ожесточённые дискуссии. Если в вопросе о неприкосновенности территорий герцога Вюртембергского и курфюрста Баденского Бонапарт проявлял, как обещал ранее, «особое снисхождение» к родственникам российского императорского дома, то в вопросах о других немецких землях единства не было. Ещё большее противоречий было по Италии. Колычев от имени российского императора объявлял французскому правительству, что «годичное присутствие французских войск компрометирует независимость, целостность и права Неаполитанского королевства». Талейран лицемерно отвечал, что французы готовы «нести взятое ими бремя по защите Юга Италии от англичан».

Павел поручил Колычеву также добиваться возвращения короля Сардинии в Пьемонт, однако и там оставались французские войска, а в 1802 г. Пьемонт стал французским департаментом. На этот раз присутствие французов, естественно, объяснялось необходимостью защиты от австрийцев. Наконец, русская сторона требовала, чтобы французские войска эвакуировали Египет, подчёркивая, что император «придаёт очень большое значение восстановлению отношений с Блистательной Портой, его союзником и другом». Париж отвечал, что Оттоманская Порта – «образование крайне непрочное, бессильное, напоминавшее недавнюю Польшу», и «Первый консул питает надежду сохранить Египет». В итоге Колычев справедливо отметил: «виды французские правительства не могут склоняться к всеобщему, а лишь к кратковременному миру». 28 марта 1801 г. Колычев написал Талейрану о необходимости признания всеобщего мира в Европе на условиях, предложенных русским императором. Колычев полагал, что необходимо заключить мир не только с Францией, но также с Англией и Австрией. Тем самым екатерининский дипломат как бы предварял принципы следующего императора России, который рассматривал союз с Францией лишь как часть всеобщего мира. Талейран ответил от имени Первого консула 30 марта, что «...события в Европе, в частности, в Германии, Италии и Англии, развиваются с такой быстротою, что вопросы войны и

мира требуют прежде всего скорейшего заключения соглашения между Россией и Францией⁵¹.

Бонапарт призывал «не опоздать со временем заключения мира между двумя правительствами»⁵². Как видим, Франция торопилась с подписанием договора. Но во всей этой ситуации был исторический парадокс. В демократической Французской Республике министр Талейран лишь представлял мнение Первого консула Французской Республики. Тогда как в деспотической России посол Колычев, назначенный самодержцем Павлом I, выражал своё собственное мнение; точнее, мнение группы российской знати, опасавшейся сближения с ещё недавно революционным государством. Переговоры затягивались.⁵³

Убийство Павла I в ночь с 11 на 12 марта 1801 г. кардинально переменило всю ситуацию. Можно сказать, что романтизм во внешней политике России уступал место реализму, поскольку идея всеобщего мира в Европе, приверженцем которой был новый император, не допускала приоритетного партнёрства с какой-либо из держав. В то же время, в течение некоторого времени осторожный Александр I внешне продолжал политику своего отца. Как справедливо заметил современный исследователь, «надежды английских дипломатов на немедленный разворот России на 180 градусов к прежнему союзу с Великобританией не оправдались. В России сильна была группировка лиц, окружавших молодого царя, которые отстаивали идею нейтралитета России... передышки для ряда назревших внутриполитических преобразований или, точнее, либеральных реформ... вершиной политики "свободы рук" стали франко-русские соглашения подписанные 8–10 октября 1801 г. в Париже. Это был первый русско-французский договор после революции»⁵⁴.

Франко-руssкие переговоры продолжались, как следует из инструкции Александра I от 27 июня новому посланнику в Париже графу А.И. Моркову, копия которой сохранилась в ОПИ. Традиционно цитируется другая инструкция императора всем русским послам, датированная несколькими днями позже – 4 июля 1801 г. В ней были изложены общие принципы, которыми намеревался руководствоваться

царь в своей внешней политике. Как верно заметил С.М. Соловьёв, по отношению к Франции надо было «принять выжидаальное положение», исходя из того, что «правительство Наполеона и всякое другое не могло быть помехой к сближению и общему действию России с Францией, если только это французское правительство не будет продолжать завоевательного движения».

Прежде всего, Александр выражал уверенность, что назначение столь опытного дипломата как Морков, бывшего посланником ещё при Екатерине, будет способствовать заключению мира с Францией, которая «играет в настоящее время, наиболее важную роль в развитии системы, предложенной моим посольствам, и именно от неё зависит конечный результат». Александр рекомендовал Моркову действовать, «как посольству при старом Версальском дворе», и использовать установившиеся связи между двумя государствами. При этом молодой император предлагал опытному дипломату использовать все средства, чтобы ответный выбор (посла Франции в Петербурге) «пал бы на достойного человека, который в то же время не играл бы одиозной роли во время революции». Самому же посланнику рекомендовалось в обстановке «заговоров, которые раздирают Францию», следовать системе Екатерины Великой, предпочитая подождать, пока «восторжествуют принципы, применимые к настоящим обстоятельствам»⁵⁵.

Вскоре после гибели отца Александр прямо писал, что «при восшествии на престол нашёл себя связанным политическими обязательствами, из них многие были в явном противоречии с государственными интересами, а некоторые не соответствовали географическому положению и взаимным удобствам договаривающихся сторон». Однако он исходил из того, что необходимо «прежде всего обеспечить моей империи мир и тишину, необходимую для восстановления порядка в различных частях управления, и в то же время сделать все возможное для скорейшего достижения окончательного мира, который бы позволил Европе восстановить здание общественного порядка, разрушенного до основания. ...убежденный, что союз великих держав один может восстановить мир и общественный порядок», он готов

вести переговоры со всеми державами и, «уважая независимость народов, никогда не предпримет такого-либо участия в спорах по поводу внутреннего устройства». Император призывал Моркова ознакомить Наполеона Бонапарта с основами его взаимоотношений с иностранными государствами, в основе которых «уважение к независимости наций».

При этом было сделано многозначительное заявление: «Если первый консул сохранение и утверждение своей власти поставит в зависимость от раздоров и смут, волнующих Европу, если он не признает, что власть, основанная на неправде, всегда непрочна, ибо питает ненависть и дает законность возмущению, если он позволит увлечь себя революционному потоку, если, наконец, он вверит себя одному счастию, – война может продолжиться... Но в случае, если первый консул окажется более понимающим собственные интересы и более чувствительным к истинной славе, если захочет излечить раны, нанесенные революцией, и дать своей власти основание более прочное уважением независимости правительств, то многие чрезвычайно веские соображения могут внушить ему желание искреннего согласия с Россией и заставить принять ряд мер к восстановлению европейского равновесия: в таком случае переговоры, начатые в Париже, могут повести к удовлетворительным результатам».

Александр писал Моркову, что «в царствование покойного императора консул имел особенно приобрести помочь моего августейшего родителя против Великобритании». Подчёркивая, что образование «новой антифранцузской коалиции приведет к новым насилиям и в итоге разожжёт пламя войны», осторожный монарх в то же время не спешил к Бонапарту с распостёртыми объятиями. И потому царь предлагал Моркову прямо объявить Первому консулу, что его цель – «добиться всеобщего мира как основы для заключения мира с французским правительством»; что он стремится к сближению одновременно с дворами Вены, Лондона и Берлина; что в то же время не намерен заключать никаких наступательных союзов против Франции, «если французское правительство будет уважать права и независимость моих союзников». Александр писал, что не намерен обсуждать с

Бонапартом «меры, которые помогут восстановить равновесие в Европе», но наступил момент, когда поведение Первого консула окажет существенное влияние на положение дел в великих державах, безопасность которых должна быть твердо обеспечена». Предписывалось также добиться признания Французским правительством покровительства России над Портой Оттоманской, обеспечения герцога Ольденбургского (с которым, как известно, дом Романовых был связан родственными узами). «Соглашаясь с реальностью» и признавая левый берег Рейна границей Франции, Александр считал необходимым вознаградить всех немецких властителей за потерю их владений, не допуская произвольного отчуждения церковных земель, придерживаясь принципов истинной справедливости, ибо «будущее не должно зависеть только от размера казны того или иного немецкого принца». Без этого, полагал он, «фундамент переговоров окажется непрочным».

Царь призывал также Первого консула принять все необходимые меры к восстановлению «легитимных правительств» в Италии, прежде всего, королей Сардинии и Неаполя на законном престоле, подчёркивая, что в этом вопросе он руководствуется «не личными видами», а «верностью принципам». Идею же Наполеона о создании королевства Эटрурия с инфантом Пармским в качестве короля он считал утопией, замечая, что двор этого крошечного государства будет признан только Францией.⁵⁶

Проповедуя миролюбивую политику по отношению к Турции, Александр I в то же время призывал «не забывать и о христианах, стонущих под турецким игом...». Одновременно отмечая, что Порта Оттоманская верна своим обязательствам по отношению к России (в надежде, что та защитит её от вторжения французов), царь высказывался против «расширения своей державы за счет Турции». Он вообще считал необходимым сохранение Турции как единого государства, подчёркивая, что «слабость, её беспомощность и дурное управление в этой стране служат надежной гарантией безопасности». Можно сказать, что Александр I «ревизовал» политику своего отца буквально по всем

пунктам. Но многое из намеченного в инструкции удалось ему провести в конвенции, заключённой в октябре 1801 г., которой, впрочем, Наполеон Бонапарт вряд ли придавал особое значение. В отличие от Павла он не был склонен к резким движениям – от посылки русских солдат сначала на помошь австрийцам, а затем в Индию – для борьбы с англичанами. Молодой царь прощупывал почву, выясняя намерения Наполеона.

Можно согласиться с великим русским историком, что «в этой, по-видимому, столь умеренной и осторожной программе положено было начало борьбы с наполеоновской Францией, могшей кончиться только падением знаменитого корсиканца, ибо твердо и ясно было выставлено начало недопущения преобладания Франции в Европе... император Александр именно хотел испытать нового правителя Франции. Не обращая внимания ни на форму, ни на имя, ни на происхождение французского правительства, русский государь задавал вопрос: Согласно ли будет это правительство содействовать видам России в установлении всеобщего спокойствия и прочих правильных отношений между государствами Европы; если будет согласно, то, как бы ни назывался правитель Франции, Первым консулом или иначе, Россия будет с ним в тесном союзе, если же нет, то следствием будет постоянная вражда»⁵⁷.

Примечательна также инструкция Александра I посланнику в Вене графу А.К. Разумовскому. В ней, в частности, указывалось: «Первый консул Французской республики хочет, чтобы всё зависело от признания его права, завоёванного силой, но не легитимно, и в таком случае лишь война позволит Германии и Италии сбросить республиканское иго». В то же время он подчёркивал, что переговоры вести с Францией необходимо; а в ответах на предложения и Австрии и Англии он намерен поступать так, чтобы «не давать повод к возбуждению недовольства Бонапарта... Опасение угрозы нового заговора против Наполеона в конечном итоге приведёт к новым насилиям, которые продолжат бедствия народов и в конечном итоге приведут к разжиганию пламени войны». Можно сказать, что в начале царствования Александр был осторожнее, чем впоследствии. А выражаясь языком середины XX века, можно даже говорить о «политике умиротворения агрессора». Стремление обуздать агрессию

Наполеона в Египте, претензии Франции на земли Европейской Турции не должны идти вразрез к стремлению ко всеобщему и прочному миру: «Европа видит, что я готов поддержать своих союзников с помощью оружия в случае иностранного вторжения в мою Империю, но она должна быть единой с моим выступлением. Когда Небеса благословят мои усилия по прекращению дружеским путем всех противоречий, интересы всех держав будут решены с помощью переговоров...»⁵⁸.

Особое значение Александр придавал возобновлению прерванных отношений с Англией, с которой в последние месяцы царствования Павла Россия оказалась на грани войны. Посол России в Англии граф С.Р. Воронцов прямо писал Куракину 14 (26) июня 1801 г. из Лондона, что «часть России изменилась к лучшему с тех пор, как она получила счастье иметь императора, соединяющего в себе качества Тита, Траяна и Антонина... Я разделяю с Вашим сиятельством радость по поводу возможного возобновления старинной дружбы между Россией и Великобританией»⁵⁹. В то же время Александр писал о желательности присоединения Англии к Северной лиге, обеспечивающей морской нейтралитет. Во имя установления доброго согласия с Англией он не собирался пожертвовать выгодами союза с северными державами – Данией, Швецией и Пруссии – для защиты России на Балтийском море. Уже 5 (17) июня 1801 г. между Англией и Россией была заключена морская конвенция. В то же время император предписывал не вступать в соглашения с Англией по различным антифранцузским проектам, «чтобы не давать положительного ответа британскому посланнику».

К той же эпохе относятся письма князю А.Б. Куракину от барона Фридриха-Мельхиора Гримма (1723–1807), доверенного лица Екатерины II, публициста, критика и дипломата. Ещё в середине XVIII в. Гримм в составе прусского посольства побывал в Париже. Там он познакомился с Вольтером, Дидро, Руссо, Гельвециусом, Даламбером и другими шампанскими мыслителями. Именно Гримму принадлежит знаменитое изречение: «в политике господствует лишь одно право – право силы». В 1771 Гримм прибыл в Санкт-Петербург в свите наследного принца Гессен-Дармштадтского, по случаю бракосочетания его сестры с

великим князем Павлом Петровичем. Во время Французской революции Гримм оставался в Париже (до февраля 1792 г.). А в России он был принят на службу в чине статского советника и дослужился до чина тайного советника. Гримм был хорошо осведомлен обо всех текущих политических делах. 2 (14) мая 1800 г. он писал Куракину из Готы, что Колычев, посланник предыдущего императора, «ведёт переговоры с нынешним французским правительством... и дебют этих переговоров увлёк в бесконечные дискуссии, а потом результатом их будет нуль... Всё должно здесь зависеть от того, насколько захочет французское правительство сохранить благорасположение ЕИВ... августейшего сына и преемника Павла I»⁶⁰.

19 (31) мая 1801 г. Гримм приводил выдержку из своего анонимного друга: «...вы найдёте убедительные доводы о Неаполитанском королевстве и недавнем устройстве Пьемонта... и не должны будете удивляться, когда в одно прекрасно утро узнаете, что русская миссия покинула Париж быстрее, чем она приехала. Если новость об эвакуации из Египта подтвердится, Франция здесь потеряет главное средство для ведения переговоров с Англией... из всего этого я ожидаю лишь новых несчастий для Германии, которая станет театром более кровопролитной войны, чем та, которая только что закончилась»⁶¹.

8 октября 1801 г. между Россией и Францией был, наконец-то, подписан мирный договор. В нём говорилось о прекращении вражды между ними: «ни одна из этих держав не будет помогать врагам другой – как внутренним, так и внешним, в какой-либо форме, в том числе воинским контингентом или же деньгами». Статья 3-я обязывала обе стороны «обеспечить спокойствие их подданных и в то же время следить, чтобы никто из них не вёл бы никакой переписки – прямо или косвенно – со внутренними врагами другой страны, допускал бы пропаганду идей, противоречащих их государственному устройству или же замышлял мятежи, грозящие разрушить согласие между этими державами».

11 октября между послом графом Морковым и министром иностранных дел Шарлем-Морисом Талейраном была заключена тайная конвенция. Статья 1-я была основана на принципах Тешинского мира,

заключённого ещё в 1779 году. Россия и Франция считались гарантами мира в Европе и обязывались немедленно «заняться способами утверждения всеобщего и окончательного мира в различных частях света, обезопасить свободу морей и действовать согласно убеждениям и силой для блага человечества, общего спокойствия и независимости правительства». Статья 4-я обязывала обе стороны уважать внутреннее устройство и законодательство. Статья 5-я, как уже указывалось выше, говорила о заключении торгового соглашения.

Стремясь «заключить мир окончательный, обеспеченный к тому же общностью их интересов в делах империи», и действуя на основе «постоянного согласия между собой», Россия и Франция должны были ознакомить со своими принципами Австрию и Пруссию, чтобы покончить дело о вознаграждении германских владельцев по Люневильскому миру. Причём выражено было желание допускать «как можно менее перемен» в государственном устройстве Германии, сохранив «справедливое равновесие между домами австрийским и бранденбургским». Герцог Вюртембергский и курфюрст Баварский получали компенсацию за потери ряда владений. Обе стороны обязывались сообщать друг другу о своих намерениях относительно устройства дел в Италии и Св. Престола для окончания их мирным путем. Французские войска должны были покинуть пределы Королевства Неаполя и Обеих Сицилий; Неаполитанское королевство должно было рассматриваться как нейтральная держава. Обе державы обещали заняться интересами короля Сардинии «в соответствии с существующим положением вещей», что фактически означало признание владычества французов в Северной Италии. Признавалась независимость Ионической (Семи Островов) республики, находившейся под верховным покровительством турецкого султана. Первый консул при посредничестве России обязывался начать в ближайшем времени мирные переговоры с Оттоманской Портой, а русский император брал на себя хлопоты по освобождению французов, находившихся в турецком плену. Можно согласиться с мнением, что «в целом договор означал признание Франции де-юре равноправным государством Европы», а в конвенции

«проводилась идея дипломатического регулирования сотрудничества России и Франции при урегулировании двух основных вопросов – германского и итальянского. По существу это был раздел сфер влияния в Европе на базе статус-кво 1801 г. и установления совместного влияния России и Франции на дела центральной Европы и Южной Италии»⁶². Заметим, что конвенция вызвала некоторое недовольство в Англии, хотя ещё 1 октября 1801 г. были заключены конвенции между Францией и Англией, а менее чем через полгода обе страны подписали мир в Амьене.

Интересно высказывание герцога Антуана Серра Каприола, итальянского дипломата, который ровно четверть века (1782–1807), был посланником неаполитанского короля в Петербурге. В письме князю Александру от 6 марта он прозорливо заметил, что спокойствие Бонапарта – «спокойствие человека, стремящегося усыпить весь мир перед новым завоеванием»⁶³.

Желания Александра I исполнились. В 1802 г. послом Франции в России был назначен Габриэль Мари Жозеф Теодор Эдувиль, впоследствии граф, ставший генералом ещё в 1793 г. в знаменитом сражении при Вальми. Оставаясь в душе монархистом, он в 1793 г. был арестован из-за аристократического происхождения, но после термидорианского переворота (1794) освобождён. О реализации франко-русского союза свидетельствуют письма Эдувиля, а также министра иностранных дел Ш.М. Талейрана, адресованные А.Б. Куракину. Поскольку эти письма были обнаружены мною уже после выхода в свет упомянутого каталога «Napoleon...», то позволю себе процитировать отдельные места, представляющие интерес для данной темы.

Так, сохранилось письмо Эдувиля Куракину от 16 жерминаля X года Республики (27 марта / 8 апреля 1802 г.).⁶⁴ В письме речь идёт о приглашении князя на праздник у французского посла, где должны были собраться «все французы, приехавшие в С.-Петербург, чтобы поблагодарить за все оказанные им милости»⁶⁵.

В письме Куракину от 17 прериля X года (2 июня 1803 г.) Эдувиль упоминал циркуляр, полученный от министра иностранных дел Ш.М. Талейрана по поводу переговоров с его русским коллегой

графом В.П. Кочубеем. Говорилось об эвакуации из Отранты, об участии короля Сардинии, о торговле на Черном море. Талейран сообщал, что эвакуация происходит в сроки, установленные Амьенским миром. А вопроса о Пьемонте больше не существует, в связи с произошедшей там революцией. К торговле же на Чёрном море французы проявляли несомненный интерес, как «к чрезвычайно полезному делу для обеих наций».

Сохранилось еще три письма генерала Эдувиля. Так, 5 мессидора X года (12 / 24 июня 1802 г.) он говорил о присылке российскому вице-канцлеру «пакета, прибывшего из Парижа 16 июня», и просил сообщить «о содержании этого пакета, что представляется делом особой важности». На следующий день Эдувиль сообщал о посылке Куракину копии ноты, подписанной посланником России в Париже графом А.И. Морковым и Талейраном, которая была представлена на одобрение Первого консула и Императора России. В этой ноте объяснялись способы урегулирования бесконечного конфликта между немецкими государствами. Ещё через день, 7 мессидора (14 июня) Эдувиль писал о намерении «отправить первой оказией графу Кочубею пакет, в котором содержится адресованное ему письмо от государственного советника Шампаньи, посланника Французской республики» (Напомним, что граф В.П. Кочубей в 1801–1802 гг. возглавлял Коллегию иностранных дел). Сохранилось собственноручное письмо Т. Эдувиля к Куракину от 21 июля 1802 г., где говорилось о заключении в тюрьму русских извозчиков, которые, сопровождая французов, надели, вопреки установленному порядку, трёхцветную кокарду. Сам Эдувиль не видел ничего странного в том, что «извозчики, которые везли представителей иностранных держав, нацепили их кокарды», и подчёркивал, что «даже в мелких делах должно сохраняться доброе согласие, существующее между Е.И.В. и Первым Консулом»⁶⁶.

Отметим копию письма Эдувиля Куракину от 14 флореяля (10 / 20 августа 1802 г.). В нём говорилось, что «Первый консул возмущён тем шумом, который поднимают Пруссия и Австрия, и в дальнейшем намерен обсуждать все вопросы лишь лично с императором России». Он

«не сомневается, что Император России учтёт все мотивы и аргументы, которыми руководствуется французская сторона. Вознаграждение принцев будет обеспечено, маркграф Баденский получит за свои потери более чем ценную компенсацию... Удовлетворены пожелания Австрии в отношении городов Сейма, за исключением двух имперских и шести крупных торговых городов», и, таким образом, Австрия сохраняет все свои владения. В то же время он возражал против военных приготовлений Баварии, рассматривая её как союзницу Австрии. Соглашаясь с необходимостью компенсации «князей второго ранга» за потери, Наполеон в то же время указывал, что и так «3/4 Германии разделено на части, и вся Европа занимается их арбитражем». По словам Эдувиля, «планы России не вызвали никаких дискуссий в связи с твёрдым намерением императора Александра заключить прочный мир между двумя державами», что является «долгожданной целью всех народов Европы, всех держав, терпящих бедствия в настоящее время»⁶⁷.

27 фрюкидора X года (2 сентября 1802 г.) Эдувиль сообщал Куракину о вступлении в силу мирного договора октября 1801 года. «...гражданин Талейран немедленно отправил послу Французской республики в Мюнхене Ла Форе поручение отправиться в Регенсбург, чтобы представить Сейму Св. Римской империи этот договор». Ему же поручено вести переговоры с королём Пруссии об обеспечении независимости европейских государств и прежде всего родственных Александру I немецких владетельных домов – принца Ольденбургского и герцога Мекленбургского. При этом Эдувиль писал, что Талейран уполномочил его заявить, «что Первый консул не намерен ни делать, ни предлагать ничего по устройству дел в Германии, что расходилось бы с видами и системой отношений, установившейся между двумя правительствами». Талейран одобрил идею Моркова о том, что примирение в Германии должно быть делом четырёх держав – Австрии, Пруссии, Франции и России. В письме говорилось об имуществе кораблей, принадлежавших Батавской республике (как тогда назывались Нидерланды), фактически находившейся в вассальной зависимости от Франции. Выражалась надежда на то, что согласно ранее заключенной с

Россией конвенции батавским купцам будет дозволено покупать, строить и отдавать в аренду дома на территории России, за исключением С.-Петербурга, Москвы, Архангельска, Риги и Нарвы, а также портов на Черном море.⁶⁸

Как известно, 8 сентября 1802 г. вместо коллегий были образованы министерства, и князь Куракин был уволен с поста вице-канцлера империи. Эдувиль выражал большое сожаление в связи с этим, ибо «для дипломатического корпуса его любезность и приветливость значили очень много»⁶⁹.

Особый интерес для изучения русско-французских отношений начального периода царствования Александра I представляют два письма ему, подписанные Ш.М. Талейраном, отложившиеся в Фонде З и не вошедшие в упомянутый каталог.

3 флореала X года (25 мая / 6 июня 1802 г.) Талейран отправил Куракину письмо, в котором сообщал о некоем Траппе, кредиторе торгового дома Шалька и К° в Бордо, сообщая, что отправит дело в соответствующие инстанции.

Другое, более обстоятельное письмо, датировано 17 прериля, т. е. 6 июня. Талейран поздравлял своего корреспондента с успехами, «достигнутыми в ходе дискуссий между графом Морковым и им самим по вопросу об умиротворении в Германии. Нота, которую мы подписали по обоюдному согласию и которая передана сегодня Е. И. В., не может не получить его полного одобрения, – как в отношении общих принципов, положенных в основу этих отношений, так и в отношении их дальнейшего развития, и, естественно, генерал Эдувиль, которому я сообщил все части этой работы, достигнет согласия кабинета Е. И. В. в окончательном решении этой важной операции. Предпоследнему поручено представить их на усмотрение Е. И. В. по поводу всех деталей этой важной и окончательной операции».

В самом деле, в том, что относится к исполнению ст. 7 Люневильского трактата относительно вознаграждения за убытки, было признано необходимым сохранить в Германии все установленные между главными государствами отношения, существовавшие до войны как

основу равновесия, и введение великого герцога Тосканского в систему Св. Римской империи. Что же касается Вюртембергского и Баденского домов, то, по мнению Первого консула, их вознаграждение будет достаточно полным, в полном соответствии с конституцией Св. Римской империи, и с учётом того особого внимания, которое Е. И. В. уделяет этим принцам, и заручившись согласием Пруссии и Баварии.

Первый Консул убеждён, что в основу соглашения должно быть положено твёрдое убеждение, что доброе согласие между обеими державами сможет создать необходимую политическую базу для заключения соглашения, и если Регенсбургский сейм примет принципы этого соглашения, то будет создана система, которая сможет удовлетворить интересам всех немецких правителей, компенсировать все потери, создать истинное равновесие в Св. Римской империи и, таким образом, гарантировать стабильность мира в Европе.

Он ожидает, наконец, что Е. И. В. не замедлит с ответом, когда славный арбитраж Франции и России будет, наконец-то, установлен, и достигнутое согласие позволит выработать план дальнейших совместных действий, что послужит гарантией их успеха.

Ваше сиятельство не можете не ощутить, сколько в настоящее время переплелось разнообразных желаний и сколько возбуждено страстей, и это делает опасной отсрочку заключения соглашения, но я убежден, что Е. И. В. поспешит устраниТЬ все препятствия...»⁷⁰.

Сохранилась в ОПИ и копия письма Александру (14 февраля 1802 г.) от Наполеона, писавшего, что созданные в Италии новые державы, которые находились «в состоянии внутренних беспорядков и анархии, представляют интерес не только для Франции, но для России, поскольку Франция представляет собой тормоз на пути расширения Австрии, и так уже достаточно могущественной благодаря приобретению Венеции».

Сожалея по поводу того, что дела в Германии «подвигаются медленно», Бонапарт особо рекламировал своё стремление защитить права курфюрста Баденского – «союзника русского императора,

страдающего от войны: сейчас благоприятный момент облегчить ему разумное увеличение территории...». Сожалея по поводу того, что он не сумел во время переговоров в Амьене «добиться всего, чего он хотел и требовал, и потому новость о заключении Амьенского мира 25 марта 1802 г. была воспринята в Париже достаточно равнодушно». Много внимания уделялось вопросу об установлении торговых отношений между Россией и Францией. Наполеон подчеркивал, что Екатерина II «мечтала об установлении прямых связей между Россией и Францией. Мы сможем доставлять прямо в Чёрное море продукты наших колоний и наших мануфактур, в обмен на что получим хлеб, лес и другие продукты, которые легко могут быть доставлены по большим рекам, впадающим в Чёрное море».

В своём ответе Александр I благодарил Наполеона за его расположение к маркграфу Баденскому. Выражая удовлетворение Амьенским миром, Александр ожидал, что это приведёт к активизации переговоров по Италии. Он уверял Бонапарта, что французская торговля найдёт в России всяческую поддержку и наибольшее благоприятствование.⁷¹

Итак, был ли возможен союз между Россией и Францией, точнее, союз между императором Павлом I и Первым консулом Наполеоном Бонапартом? Кажется, Тильзитский мир, заключённый при других, менее благоприятных для России условиях, Александром I и уже ставшим императором Наполеоном I дал ответ на вопрос. И здесь мы хотим сопоставить мнения выдающихся историков века девятнадцатого (С.М. Соловьёв) и прошлого столетия (А.З. Манфред).

А.З. Манфред считал, что Наполеон поначалу стремился к установлению мира с Россией, союз которой «оставался ведущей идеей его внешнеполитической концепции», но в конечном итоге, «сбившись с пути, продолжает блуждать по дорогам мировой истории. Он поступает противоположно тому, что подсказывают его собственные интересы»⁷².

А мог ли он поступить иначе? Не толкали его, подобно предшественникам в XVII и XVIII и последователям в XX веке, неудержимо на Россию? Александр I, не склонный к импульсивным

действиям и резким переменами, так и оставшийся «вечным сфинксом» для Наполеона, довольно скоро понял, что вступить во временный союз с Наполеоном можно, но договориться о более или менее долговременном союзе нельзя. «Слова "Наполеон. Французская империя" стали для Европы синонимом постоянной войны, постоянных завоеваний, постоянных территориальных изменений...», — заметил С.М. Соловьев.⁷³ Со своей стороны, и Бонапарт как Первый консул был бульшим реалистом, чем император Наполеон после Аустерлица.⁷⁴ Позорный для России Тильзитский мир уже ничего не мог предотвратить. Идеи «мира», о которых мечтал в конце XVIII века великий философ Кант, не были близки к осуществлению. Рыцарские мечтания Павла воевать против Франции с её врагами, а затем с Францией против её врагов, сменились при Александре I идеей коалиций. И кровопролитнейшие войны ознаменовали собой начало XIX столетия.

ПРИМЕЧАНИЯ.

¹ А.К. Афанасьев, Н.Б. Быстрова, Н.Л. Зубова, Л.И. Смирнова, М.В. Фалалеева, А.Д. Яновский.

² 1812 год. Воспоминания воинов русской армии. М., 1991; 1812–1814. Секретная переписка...

³ Napoleon, sa famille et son entourage: documents du Musée Historique d'Etat, Moscou / Composé par F.A. Petrov et A.D. Ianovskii... Н.-Й., 1998. — Опубликовано издательством N. Ross inc., которое, к сожалению, не выполнило обязательств перед нашим музеем полностью. Не был издан каталог на русском языке (да и во французском издании были допущены произвольные сокращения научно-справочного аппарата и убраны все архивные координаты). В результате российская общественность смогла ознакомиться с сокровищами нашего отдела лишь по «Археографическим ежегодникам» и материалам Научных чтений, организованных Литературным музеем.

⁴ Одна была приурочена к 225-летию со дня рождения Наполеона Бонапарта (1994); другая посвящалась Александру I и Наполеону I (2000). См.: Великие императоры Европы...

⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. С. Д. 101.

⁶ Среди них — трогательное письмо 1812 года с сожалением, что начавшаяся война вынуждает прекратить дипломатические отношения двух великих держав.

⁷ Petrov F. Paul Ier et Napoléon Bonaparte: l'alliance impossible? // Musée de l'Armée. Terminer la révolution? Actes du colloque organisée par le Musée de l'Armée les 4 et 5 décembre 2001. Р., 2003. Р. 243–258.

Недавно один из посетителей нашего читального зала опубликовал сборник: Неизвестные письма русских писателей князю А.Б. Куракину. М., 2003. — Так вот, если бы когда-нибудь была бы осуществлена публикация дипломатических материалов Куракина, то она заняла бы свыше 200 томов. Именно в таком объёме сохранилась его дипломатическая переписка с правителями, министрами, посланниками России, Франции, Пруссии, Саксонии, Австрии, Англии, Голландии, Швейцарии, Дании и других стран.

⁸ Fierro A., Palluel-Guillard A., Tulard J. Histoire et dictionnaire du consulat et de l'Empire. Р., 1995. Р. 40.

⁹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. С. Д. 122. Л. 144.

¹⁰ Это канцлер А.А Безбородко, его племянник В.П. Кочубей (посол в Константинополе), вице-канцлер А.Б. Куракин, граф П.В. Завадовский.

¹¹ На территории Италии были созданы дочерние республики: Лигурийская, Цизальпинская, Римская, Партенопейская, просуществовавшая несколько месяцев на территории Неаполитанского королевства. Хорошо известны сражения армии Суворова в Швейцарии и Северной Италии и эскадры Ушакова в Средиземноморье, где была образована т. н. Республика Семи островов под верховным покровительством турецкого султана, равно как и традиционная «благодарность» России от её союзников — австрийцев и англичан.

¹² В январе 1799 г. в Неаполе вспыхнуло восстание, и была провозглашена Партенопейская республика. Французские войска заняли столицу. Свергнутый король Фердинанд IV обратился за помощью к Павлу. И в июне того же года десант, высаженный эскадрой Ушакова, вместе с английскими и неаполитанскими войсками занял Неаполь.

¹³ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. С. Д. 164. Л. 25, 29, 38. — Спустя 20 лет, уже находясь на острове Св. Елены, Наполеон возражал по поводу рассуждений генерала Ж. Ронья, который в своей книге словно повторял мысли Серюзье: «Гораздо легче покорить деспотические азиатские государства, где народ, находящийся в рабстве, равнодушен к своему хозяину и не встанет на его защиту; гораздо труднее преуспеть в войне против республиканских государств, где патриотизм граждан воздвигает непреодолимые препятствия на пути завоевателей». Сравнивая бескровное покорение республик в Голландии и Швейцарии с войнами в Испании и России, Наполеон возразил: «Разве Россия и Испания были республиканскими государствами? Разве Голландия и Швейцария были государствами деспотическими?» (Napoleon, sa famille et son entourage... Р. 219–220).

¹⁴ В частности, в письме от 28 декабря 1799 г. говорилось о «фанфаронаде» австрийского генерала Меласа, «возомнившего себя первым полководцем столетия», хотя перед русскими войсками ему «следовало бы сгореть от стыда».

¹⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. С. Д. 161. Л. 14, 18–20, 50, 88, 89, 105, 106, 118, 129, 130, 131, 145–146, 240–244.

¹⁶ Там же. Д. 144. Л. 9–10, 14.

¹⁷ Манfred A.3. Наполеон Бонапарт. М., 1989. С. 308, 317–318.

¹⁸ Шильдер Н.К. Император Павел Первый. Историко-биографический очерк. М., 1996. С. 322.

¹⁹ Сорель А. Европа и Французская революция... Т. 6. С. 24.

²⁰ Дипломатические сношения России с Францией в эпоху Наполеона I // РИО. Т. 70. С. 1, 2, 5.

²¹ В ноте от 8 сентября 1800 г. Ростопчин сформулировал пять принципов «доброго согласия» с Первым консулом. А именно: возвращение Мальты со всеми владениями ордену Св. Иоанна Иерусалимского, коего Всероссийский император состоит Великим магистром; восстановление на престоле короля Сардинии со всеми владениями, находившимися в его собственности до вступления французских войск, свергнутого в результате входа французских войск, обеспечение неприкосновенности владений Королевства Обеих Сицилий, курфюрста Баварского и герцога Вюртембергского – брата императрицы Марии Федоровны (РИО. Т. 70. С. 9–10).

²² РИО. Т. 70. С. 10–11; Манfred A.3. Указ. соч. С. 322.

²³ ОПИ ГИМ. Ф. 213. Д. 50. Л. 17.

²⁴ Закрывая Балтийское море для британской торговли, эта лига, в которую Россия вступила в соответствии с указом Павла I от 14 (26) декабря 1800 г., сыграла важную роль в период зарождения франко-русского союза.

²⁵ Вскоре (9 февраля 1801 г.), как известно, был заключён Люневильский мир, узаконивший присоединение к Франции значительной территории немецких земель.

²⁶ Племянник супруги Павла I Марии Федоровны принц Евгений Вюртембергский был фаворитом русского императора и в 1799 г., в возрасте 11 лет, был произведён в генералы русской армии.

²⁷ РИО. Т. 70. С. 14–17; Correspondance... Т. 6. Р. 1–21.

²⁸ РИО. Т. 70. С. XXV, 23.

²⁹ Тюлар Ж. Наполеон. М., 1997. С. 124.

³⁰ РИО. Т. 70. С. 22–25.

³¹ Манfred A.3. Указ. соч. С. 324.

³² РИО. Т. 70. С. 27.

³³ Собственно говоря, теми же самыми принципами руководствовался и Александр III, когда спустя почти сто лет он, слывший одним из самых консервативных монархов Европы, слушал «Марсельезу» во время заключения франко-русского союза.

³⁴ Там же. С. 28–29.

³⁵ РИО. Т. 70. С. 31–37; Шильдер Н.К. Указ. соч. С. 403.

³⁶ РИО. Т. 70. С. 1–4; Correspondance... Т. 6. Р. 584–585.

³⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. С. Д. 185. Л. 135 об.

³⁸ Там же. Д. 189. Л. 135.

³⁹ Там же. Д. 144. Л. 10.

⁴⁰ РИО. Т. 8. С. XXVI–XXIX, 30, 37–41.

⁴¹ Безотосный В.М. Донской генералитет и атаман Платов в 1812 году. М., 1999. С. 42–44.

⁴² Сохранилось 17 писем Куракину от Колычева за 1801 год (ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. С. Д. 986. Л. 138–151, 280; Д. 983. Л. 16, 43, 47).

⁴³ РИО. Т. 70. С. 29, 30, 67–69.

⁴⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. С. Д. 968. Л. 265–267; РИО. Т. 70. С. 33–34.

⁴⁵ РИО. Т. 70. С. 65–78.

⁴⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. С. Д. 194. Л. 265–267.

⁴⁷ Борисов Ю.В. Шарль-Морис Талейран. М., 1986. С. 172–173.

⁴⁸ РИО. Т. 70. С. 48.

⁴⁹ Соловьев С.М. Император Александр I. М., 1995. С. 30.

⁵⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 213. Д. 50. Л. 6.

⁵¹ РИО. Т. 70. С. 52, 53, 79, 87–89, 97–99.

⁵² Correspondance... Т. 6. Р. 590.

⁵³ По мнению известного историка, сложно говорить, насколько искренним было «стремление Павла I к сближению с Францией, по причине резкой смены его симпатий и антипатий и переходу от дружбы сегодня к ненависти завтра. С подобными случайностями пришлось бы, вероятно, познакомиться и Бонапарту при сношениях со своим новым союзником» (Шильдер Н.К. Указ. соч. С. 403–404).

⁵⁴ Сироткин В.Г. Наполеон и Россия. М., 2000. С. 28.

⁵⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. С. Д. 944. Л. 3; Соловьев С.М. Указ. соч. С. 31.

⁵⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. С. Д. 944. Л. 4–5, 10–19; РИО. Т. 70. С. 79.

⁵⁷ Соловьев С.М. Указ. соч. С. 17, 20.

⁵⁸ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. С. Д. 944. Л. 6–9.

⁵⁹ Там же. Д. 196. Л. 265 об.–266.

⁶⁰ Там же. Д. 193. Л. 428–429.

⁶¹ Там же. Д. 183. Л. 430.

⁶² Сироткин В.Г. Дузель двух дипломатий. Россия и Франция в 1801–1812 гг. М., 1966. С. 11–12.

⁶³ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. С. Д. 968. Л. 186.

⁶⁴ В каталоге «Napoleop...» (№ 1334) оно было ошибочно обозначено 1800 годом и без указания адресата.

⁶⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. С. Д. 968. Л. 141.

⁶⁶ Там же. Л. 113, 141, 145.

⁶⁷ Там же. Д. 963. Л. 16, 54–59.

⁶⁸ Там же. Д. 968. Л. 130, 150, 151.

⁶⁹ Там же. Л. 280.

⁷⁰ Там же. Д. 944. Л. 131, 3–19; РИО. Т. 70. С. 428–430.

⁷¹ РИО. Т. 70. С. 369–370.

⁷² Манфред А. З. Указ. соч. С. 461–462.

⁷³ Соловьев С.М. Указ. соч. С. 8.

⁷⁴ Тогда успехи в Европе вскружили ему голову, и присоединение новых территорий к Французской империи и установление французской гегемонии в Европе делало войну с Россией неизбежной.